

Пэй Цинъи ответил честно: «Просто мне кажется, что всё происходит слишком быстро. Родители в курсе? А насчёт свадьбы... ну, можно и без неё, слишком хлопотно».

— Как можно без свадьбы? — возразил Шэнь Цзюнь. — Это мама настаивает, чтобы я поторопился с разговором. Говорит, сначала распишемся, а потом устроим банкет. Как думаешь?

Пэй Цинъи сказал, что во всём полагается на господина. Шэнь Цзюнь лишь вздохнул, не зная, как к нему подступиться, и промолвил, что тот слишком уж покладист.

Немного обсудив детали празднества, Пэй Цинъи поспешил проводить Шэнь Цзюня в компанию, чтобы тот не опоздал, пообещав продолжить вечером. Проводив его, он остался в комнате, погрузившись в раздумья. Ни грусти, ни радости — лишь полное спокойствие.

Он собирался связать жизнь с человеком, которого знал всего два месяца. И движущей силой была не любовь, а ненависть. Ненависть к другому.

Пэй Цинъи спокойно разослал известие о предстоящей свадьбе своему немногочисленному кругу друзей и родных. Ответов пришло мало, некоторые родственники и вовсе отписались, что на свадьбу не придут, и просили больше не беспокоить.

Глядя на эти холодные строки, он подумал, что, в общем-то, всё верно: для семьи Пэй он давно стал посмешищем. Пусть их род и захирел, но в них ещё живёт спесь, и в душе они презирают его — того, кто ради денег стал дублёром для обнажённых сцен и содержанкой.

Больше он никому не писал, сохранив лишь несколько поздравлений от друзей, которых и пригласил. Всё-таки, если со стороны жениха почти никого не будет, это будет выглядеть печально.

Дождь, ливший несколько дней, наконец прекратился. Пэй Цинъи прогуливался по саду усадьбы Шэней, собирая после дождя лепестки для тётушки Вэнь — на цветочные пирожные.

Шэнь Минъянь каждый день вспоминала про эти пирожные и, словно истинный гурман, твердила, что только из лепестков, собранных после дождя, они получаются самыми сочными и ароматными. Сама же собирать была ленива, вот Пэй Цинъи, выбрав время, и решил помочь.

Он уже подошёл к искусственной скале, намереваясь углубиться в сад, как вдруг сзади ему резко закрыли рот ладонью.

«М-мф!»

Пэй Цинъи, испуганный и взбешённый, обернулся — и встретился взглядом с знакомым лицом.

Молодой человек прижал его к скале. Холодноватая, но красивая внешность сейчас искажалась злобной усмешкой, а в приглушённом голосе слышалось сдавленное бешенство. «Ждал тебя несколько дней. Наконец-то выбрался».

Лицо Шэнь Минкэ было в синяках и ссадинах, уголок рта разбит и покрыт коростой. В сочетании со свирепым выражением это не пугало, а скорее казалось смешным.

Он с силой вырвался из захвата и спокойно произнёс: «Ждал меня? Диковинка».

Не он ли ждал Шэнь Минкэ бессчётное количество раз? А чтобы тот ждал его — впервые. Хотя,

ясно, что ничего хорошего это не сулило.

Шэнь Минкэ хмыкнул, но движение дёрнуло загубленную рану, заставив его скривиться. Он сжал губы и язвительно бросил: «Скажи-ка, когда ты успел подкатить к моему дяде? Чего добиваешься? Хватит строить воздушные замки, даже если он и привёл тебя сюда, жениться на тебе не станет. Думаешь, он не знает твоих грязных делишек? Хм, даже если не знает — я расскажу! И тогда он, родного племянника, может, и не выгонит, а тебя — с лёгкостью вышвырнет за порог».

Он сыпал словами, словно из пулемёта, но Пэй Цинъи лишь спокойно улыбался, и в этой улыбке читалась насмешка.

«Чему ты ухмыляешься?» — не понял Шэнь Минкэ.

Неужели его угрозы недостаточны? Как бы этот тип ни подобрался к дяде, услышав, что он собирает всё рассказать, должен был бы умолять сохранить тайну. Но взгляд Пэй Цинъи заставлял его чувствовать себя дураком.

Пэй Цинъи и вправду считал его в данный момент недалёким. Он медленно сделал шаг вперёд, и молодой человек инстинктивно отступил.

«Ты думаешь, я стану сидеть сложа руки, ждать, пока ты наябедничаешь?» — спросил Пэй Цинъи.

«К чему это?» — нахмурился Шэнь Минкэ. «Ты что, не собираешься...»

«Верно. Я уже всё ему рассказал».

На губах юноши заиграла холодная, насмешливая улыбка. «Он знает. Но, в отличие от тебя, его это не заботит. Более того, на следующей неделе мы идём расписываться. И это — настоящая просьба твоих же дедушки и бабушки».

«...»

Шэнь Минкэ онемел. На его лице отразилась странная смесь чувств: недоверие, ярость, осознание того, что его провели, и беспомощная злоба. «Ты... ты... Да ты просто мастер!»

Трижды повторив «ты», он уставился на Пэй Цинъи взглядом, полным ненависти. «Раньше я не замечал, какой ты искусный соблазнитель. Даже моего дядю сумел опутать».

Пэй Цинъи равнодушно отвернулся, лицо его оставалось бесстрастным. «Вы слишком добры, господин. Мне пора возвращаться. И вам тоже — как-никак, если нас увидят вместе, будет неловко».

«Неловко?» — Шэнь Минкэ внезапно ринулся вперёд.

Пэй Цинъи уже собрался уходить, но тот резко прижал его к скале. Позвоночник больно ударился о твёрдый камень, отчего у него перехватило дыхание и лицо побелело.

«Ну-ка, признавайся, кто тебя лучше трахает: я или мой дядя?» — Шэнь Минкэ зажал его в своих объятиях, и его грубые, покрытые мозолями руки бесцеремонно проникли под одежду юноши, причиняя холодящую боль бесстрастными щипками.

Спину пронзала адская боль, губы побелели, но взгляд Пэй Цинъи оставался ясным. Он изо

всех сил пытался вырваться, но тщетно, и лишь горько усмехнулся: «К чему задавать вопросы, которые лишь унижают тебя самого?»

«Ты!..»

«Можешь продолжать, если не боишься, что я потом ему всё расскажу».

Пэй Цинъи холодно встретился с ним взглядом, не отводя глаз, и постепенно заметил, как в свирепых глазах Шэнь Минкэ мелькнула неуверенность.

Тот фыркнул, дёрнул юношу за воротник и оттолкнул: «Проваливай!»

Пэй Цинъи вновь ударился о скалу, спина опять заныла, но он стиснул зубы, не издав ни звука.

Медленно оправив одежду, он напомнил: «Это наш с господином двор».

«Ладно».

Шэнь Минкэ, вне себя от ярости, усмехнулся. Взглянув вдаль, где показались крошечные, с булавоочную головку, фигурки, он скрипя зубами процедил: «Ухожу, ухожу! Доволен?»

Он удалился, а Пэй Цинъи, глядя ему вслед, лишь усмехнулся в уголках губ.

Выходит, когда любишь человека, и вправду можно не замечать всех его недостатков, видеть лишь сияние и терпеть что угодно. Но стоит вырваться — и понимаешь, что был посмешищем: влюбился в того, кто лишь попирал твоё достоинство. Обманывал сам себя, а другому и дела не было.

Пэй Цинъи поднял упавшую во время потасовки плетёную корзинку. Собирать цветы больше не хотелось. По пути ему встретились несколько служанок в одинаковой форме.

Увидев его, они кивнули и поздоровались: «Добрый день, третья госпожа». Пэй Цинъи ответил на приветствие и мягко спросил, куда они направляются. Служанки поспешили ответить, что несут госпоже новые благовония.

Он слегка кивнул, проводил их взглядом и лишь затем отправился обратно.

Юноша был высок, строен, белолиц, с мягкими манерами — ничто не выдавало недавней стычки. Мимоходом служанки, уже поодаль, принялись тихо обсуждать его.

Все они были из младшего персонала и обычно не допускались в покои хозяев. Случайно встретившись, они с трепетом поздоровались. От тех, кому доводилось прислуживать гостям, они слышали, что новая третья госпожа добра и проста в общении. Теперь, увидев своими глазами, убедились: и вправду, сама заговорила с ними! Молоденькие служанки даже возмутились за него: те, кто судачат, будто третья госпожа не ровня третьему господину из-за своего происхождения, — просто слепы!

Вернувшись в свои покои, Шэнь Минкэ был мрачнее тучи. Служанка, принёсшая чай и закуски, увидев его выражение, затряслась от страха, опасаясь, что вспыльчивый молодой господин сорвёт на ней злость.